

Т. Н. Савельева,
*редактор отдела прозы редакционно-издательского
центра «Дальний Восток» ДВГНБ (г. Хабаровск)*

Преемники творческого наследия Петра Проскурина на страницах журнала «Дальний Восток»

Преемник – это, как известно, продолжатель. Под этим углом зрения мне было интересно разобраться в том, что было опубликовано в журнале в течение последнего десятилетия. Более того, разобраться и понять, кто же с полным правом может быть назван преемником творческого наследия Петра Лукича Проскурина.

Но сначала надо было вернуться в прошлое, просмотреть давно прочитанные книги русского советского писателя.

Помню времена, когда в 60-е годы мы зачитывались книгами Петра Проскурина: «Судьба», «Корни обнажаются в бурю», «Горькие травы», «Исход», «Имя твое».

Чем притягивали эти произведения? Думаю, честностью и правдой. Правдой о людях, правдой о тех событиях, которые этим людям довелось пережить.

Странно, но когда я упоминала имя Проскурина, некоторые читающие знакомые отмахивались, мол, время соцреализма ушло... Когда перечитывала «Горькие травы», подумалось, причем тут метод социалистического реализма, важна ведь суть произведения, мастерство автора.

Шло время, пришли другие авторы в литературу, другие формы отображения действительности. И это закономерно. Если взять жанровые определения уже напечатанной прозы в журнале, то тут полное разнообразие: фантазмагии и сновидения, романтические фантазии, и даже филологические пазлы.

На первый взгляд – изжил себя метод социалистического реализма, перешел в другие формы. Уберем приставку социалистический, и станет ясно, реализм, как метод, остался, правда, видоизменился, сдвинулся в сторону мистического или метафизического реализма.

Если продолжить рассуждение о литературном методе, то напрашивается любопытное умозаключение. Как бы ни пытались авторы уйти от реализма, он продолжает оставаться современным. И это в очередной раз стало очевидным, когда встал вопрос о том, есть ли продолжатели литературного наследия Петра Проскурина в журнале

«Дальний Восток»)?

Назову три имени, возможно они вам известны, ибо это имена зрелых и состоявшихся прозаиков: Вячеслав Сукачев, Михаил Тарковский, Елена Родченкова.

С первым автором – ВЯЧЕСЛАВОМ СУКАЧЕВЫМ, который в течение 10-ти лет был главным редактором журнала «Дальний Восток», Петра Лукича роднит схожесть биографий.

Вячеслав Сукачев родился, правда, немного позже, уже на излете войны, знал, что такое нужда, долго искал свой путь в жизни, ходил в экспедиции, тушил пожары, работал разнорабочим. Так же, как и у Петра Лукича, начало трудовой и творческой биографии Вячеслава Викторовича связано с Дальним Востоком.

Печататься оба писателя начинали в дальневосточных газетах и журналах, учились на высших литературных курсах.

Попутно скажу, что названных авторов – Родченкову, Сукачева и Тарковского – объединяют два качества: с одной стороны – глубинное постижение жизни, с другой – тонкое чувство природы, умение передать её целительную мощь.

И очень важное для прозаика качество – трепетное отношение к языку, стилю, длительная, филигранная работа со словом. Вот как начинает свою повесть «Подлетьши» Вячеслав Сукачев:

«Весна. Еще одна весна: самая удивительная пора на земле, когда все обновляется, все к жизни стремится, в непобедимом желании жить и продолжать себя в потомстве. Вон, воробышки под застрехой очумели от солнечного тепла, обилия света, рухнувшего на них после долгой и жестокой зимы, пережить которую они и не чаяли. А теперь вот вздуваются круглыми, угрожающими комочками, шишаются пушистыми грудками и падают куда-нибудь под куст, где такой гвалт и писк поднимают, что только диву даешься: откуда в такой крохотной пичужке силенки берутся? А на все это невозмутимо и вроде бы бесстрастно взирают с проводов недавно прилетевшие скворцы, время от времени устало топорща перья и раскидывая в стороны треугольные крылья».

По неспешности, по пристальному взгляду на судьбы и характеры героев «Подлетьши» перекликаются с ранними произведениями Петра Проскурина. Это повесть о том, как перед армией молодые парни устроились работать в геологоразведочную партию. Как постигали жизнь, как крепили волю и характер, как зарождалось первое чувство.

Продолжу знакомить вас с другими авторами журнала.

ТАРКОВСКИЙ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ, племянник кинорежиссера Андрея Тарковского. Ныне известный прозаик, член редколлегии нескольких литературных журналов «День и ночь» (Красноярск), «Сихоте-Алинь» (Владивосток). Для начала – совсем не типичная биография.

Родился в 1958 году, закончил Московский государственный педагогический институт по специальности учитель географии и биологии. И вдруг уехал из Москвы работать на Енисейскую биостанцию. Закончил заочно Литературный институт. С 1986 года – охотник, живет в Красноярском крае в селе Бахта. Там и продолжает жить и сейчас, став маститым писателем.

В журнале «Дальний Восток» опубликованы повести «Отпусти, Енисей», «Тойота «Креста», «Гостиница «Океан». Герои его повестей обычные трудяги, охотники-промысловики, шоферы, рыбаки, геологи. Неторопливо по-доброму вглядывается писатель в неуспокоенное метущееся нутро русского человека. Вот краткий фрагмент из повести «Отпусти, Енисей».

«Один человек был женат, трижды. Прожил он долгую и трудную жизнь, идя в ней по велению сердца и делая то, что считалось правильным среди его товарищей – простых и работающих людей, промысловых охотников. С первой женой прожил он несчастливо и расстался, потеряв сына. Позже встретил и полюбил он другую женщину, но и с ней долгих отношений не вышло. Тогда, он совершил поступок, многими наотрез непонятый: оставил тайгу и все, в ней нажитое, и уехал в город. Там он вскоре сошелся с доброй и приветливой женщиной, однако привычка к промыслу оказалась столь сильна, что через несколько лет он затосковал и решил вернуться ненадолго в те таежные места, где, как ему верно казалось, он только и был собой.

Неоглядный снег и лед встали перед глазами с первых дней жизни в городе и уже больше не отпускали. Виделось все по-зимнему отчетливо – меловой яр с гранеными откосами и черными языками тайги, деревня с такими вертикальными дымками, что словно подвешена за них к небу. Синяя алмазная даль, резные торосы, залитые снегом, и за каждой торосиной с подветренной стороны шлейф, стрела, нисходящее снежное ребро с точеным лезвием, и торосы словно мчатся единой и неистовой стайей».

ЕЛЕНА РОДЧЕНКОВА – прозаик из Санкт-Петербурга.

Выросла на Псковщине, имеет два гуманитарных образования: библиотекарь и юрист. И при этом – очень зоркий писатель. Герои – самые обычные люди, их только надо было увидеть, почувствовать и рассказать о них. Печаталась в «Неве» и «Дальнем Востоке», Лауреат ежегодного творческого конкурса журнала «Дальний Восток» 2015 года. Кратко расскажу, о ком пишет Елена Родченкова.

Первая встреча с автором – рассказ «Старые часы» о том, как в перестроечную пору ушла на пенсию бывший секретарь райкома – одинокая женщина. Люди, ранее подобострастно перед ней сгибавшиеся, резко сменили свое отношение к ней, и как бесславно закончилась её жизнь.

«Дурочка» о том, как задала президенту вопрос о своем житье-бытье самая, что ни на есть, обычная мать-одиночка, и что в результате этого случилось с ней и её сыном.

«Милые мои» о приходе сельской дурочки в село и о том, что обижать её не следует.

«Встречный огонь» – рассказ о двух старухах, Душе (Евдокии) и Проне (Прасковье), оставшихся в одиночестве доживать жизнь в заброшенном селе.

«– Душенька! Душа! – прошептала Проня.

Она завороженно смотрела, как ползет по пригорку светящаяся полоса. Медленно, ровно, уверенно, будто стройная шеренга, молчаливых инородных солдат, огонь шел на деревню.

Проня растерянно глянула по сторонам. Заколоченные, брошенные дома в зарослях сухого прошлогоднего бурьяна вспыхнут, как свечи. Неухоженные, заросшие сады, в которых больше половины деревьев были мертвыми, тоже сгорят. Остаются только два живых дома – ее и Душин, – но и им будет не уцелеть в неминуемом пожаре.

– Горим!!! Ка-ра-ул!!! Го-рим!!! – завопила Проня и, тяжело развернувшись, пошла к Душиной калитке. Ноги ее, старые, толстые и непослушные, не поспевали за телом и тяжело волочились.

Проня, цепляясь руками за штакетник, помогала им не отставать. Она оглянулась назад, и на какой-то миг ей показалось, что огонь уже совсем рядом, что вот он возле лица, тянется к ней жалящими острыми язычками, а в небе из-за клубов дыма выглядывает чье-то черное, безглазое лицо.

– Смерть пришла, – прошептала Проня.

Ужас охватил ее. Руки мигом ослабли, отпустили сухие, шершавые жерди забора, больные ноги обмякли, и Проня села на землю, не отрывая взгляда от неба, где в клубах дыма расплывались очертания страшной головы.

– Ка-ра-ул!!! Ка-ра-ул!!! — орала Проня.

Она встала на четвереньки и поползла к дверям веранды.

– Душа! Караул! Горим! – кричала она тонко и пискляво, как будто пела, без страха и ужаса в голосе, будто песня была детским плачем.

– Горишим! Душа! Горишим!

Душа выскочила из дома, глянула на ползущую Проню и, не сходя со ступеньки, оглядела внимательно даль. Прищурила глаза, отчего лицо ее стало жестким, как у старика. Она вглядывалась в полосу огня, которая уже наполовину прошла дальний пригорок потоком лавы, покрыв его черным пеплом, и приближалась к некошеному лугу, который вдоль реки окружал деревню.

– Полчаса нам с тобой на все. Вставай, – сказала она Проне тихо.

– Ох, тошно мое лихо, – пела Проня, – смертушка пришла за нами! Накликала, дура, накликала, дура...

– От силы минут сорок, – сказала Душа.

Она скрылась за дверью и через несколько секунд, пока Проня безуспешно пыталась подняться с земли, вернулась с двумя пустыми ведрами, бутылкой керосина и спичками.

– Мало керосину. У тебя есть керосин?

– В сенях на лавке канистра.

– Я сейчас.

Душа бегом побежала к Прониному дому и через несколько минут вернулась с канистрой.

– Что ты лежишь? Иди за водой!

– Лежу... Ты беги отсюда, беги к лесу. Он ведь по кругу сейчас все охватит. По лугу.... А мне не сойти.

– К реке его направим. А река сама разберется.

Душа, загремев колодезной цепью, набрала воду в ведра и снова побежала в дом. Она вынесла оттуда два пышных новых веника и рваную шерстяную кофту.

– Не будешь вставать? Не слушаются ноги?

– Нет... – сказала Проня.

– Ползи тогда за мной.

Она сунула веники и кофту под мышки, взяла ведра и быстрым шагом

пошла от дома к лугу.

– Куда ты. Душа? – с отчаяньем закричала Проня. – В лес иди, в лес!

Душа ничего не ответила, не оглянулась, лишь прибавила, шагу и через минуту остановилась возле одинокой березы, что росла в конце Прониного огорода, за которым начинался луг.

Поставив на землю ведро с водой и бросив рядом веники и кофту, Душа побежала назад.

– Быстрее, – бросила она, пробегая мимо ползущей на четвереньках к березе Проне.

Пока та, плача и причитая, путаясь в подоле длинной юбки, ползла к березе, Душа, принесла от дома второе ведро с водой, бутылку с керосином и спички.

– Сейчас ему встречный огонь направим, – сказала сухо.

– Опасно... Не сумеем... Сами подпалим деревню, – покачала головой Проня.

– Не сумеем, так сгорим. А не сгорим, так выживем. Мочи веники в воде.

– Я лучше кофтой, – сказала Проня и, сидя возле ведра, стала погружать в воду тяжелую вязаную кофту. Шерсть всасывала воду, будто век не пила и вот, наконец, дождалась избавления от жажды. Ведро наполовину опустело. Два пустых, лохматых веника опустошили его до дна.

Вдали чернел пригорок. Его кромка уже была едва различима и почти сливалась с фиолетовым небом. Полоса огня пропала, только яркие отсветы из ложбины говорили о том, что огонь набирает силу, поднимается исподтишка к лугу и, готовясь к наступлению на него, до предела распалил свою ярость.

– Зажигай, – сурово скомандовала Проня и вылила на себя полведра воды.

Душа остро глянула на тяжелое, мокрое полотнище Прониной юбки, жадно охватившее ее больные колени.

– Ты кофтой туши. Не пускай его через межу, – сказала она и, раскрыв бутылку с керосином, медленно, крепко прижимая пальцы к плечам, перекрестилась.

Проня, стоя на коленях, упершись лбом в землю, тоже читала молитву.

– А как Бог даст, – вдруг задорно сказала она и стала вставать на ноги. – Лей, Душа! Лей!»

Теперь хочу представить нового малоизвестного автора из Приморья, открытого нами не так давно, в 2013 году.

ЕВГЕНИЙ ОРЛОВ, 1970 года рождения, окончил в 1992 г. Тихоокеанское военно-морское училище, служил на флоте, с 1994 г. занимался разноплановым бизнесом. С 2001 г. – директор охранного агентства «Златогор». Живет во Владивостоке. Печатался в интернете на «Проза.ру» и в журнале «Дальний Восток».

Дебют яркий и незабываемый, до сей поры помним его «Феньку», потом были «Мишкины горизонты». Свой голос, своя тема. И, что удивительно, пишет он о временах и людях отдаленных от него не на одно десятилетие.

Действие в рассказе «Фенька» происходит где-то в середине войны. В одном селе, недавно овдовевшая мать двоих маленьких детей прижила ребеночка и все хотела от нежеланной дочки Феньки, избавиться, не помогли даже зелья знахарки, которую на селе звали ведьмой.

«Матвей жёну побаивался, плевать, что ведьма – люди до ерунды охочи – больно на руку тяжела. Но за полночь не выдержал.

– Мань, че это, а?

Баба заворочалась, зло уколола локтем. Матвей хрюкнул. Собаки за околицей надрывно кашляли со двора на двор. Сон как рукой смело, Матвей обиженно вякнул.

– Че эта? – вдруг неожиданно предположил. – А можь фрицы, а?

По спине пробежал холодок, ужасно захотелось «до ветру».

– Какие, б...дь, фрицы?! – сетка под Тимофеевной заскрипела. – Спи!

– Так невмочь, – обиделся Матвей.

– Невмочь... – пробурчала баба. Плоскостопого Матвея на фронт не взяли, но немчуря донимала того по ночам – дед повизгивал даже на ведро. Ведьма съязвила: – Топор возьми – глянь.

– А как шлепнут?

– А и ладно – отдашь Богу душу.

– Чаво ты?! – старый сел, сунул ноги в валенки.

– Да надоел.

– Ведьма, – Матвей дотянулся до телогрейки. – Бес тебя приберет.

– Так нету его, – хихикнула баба, – Карл Маркс один – с ним и поцелуешься.

Он долго целился через окно, ночь – глаз выколи, дома плятятся мертвыми глазницами. Матвей обернулся.

– Мань, дитё надрывается...

– У Скалкиных че ль? – Тимофеевна зевнула. – И че ль?
Матвей задрал брови.

– Нет же ее!

– Как нет? – удивилась баба.

– Онисим в город забрал... Всех, – старый охнул. – Ох, проимандовка!
Он вернулся под одеяло, кряхтя, устроился.

– Вот, люди-то! Наплодят котят... Что ж это деется, а, Мань?
Баба закусила губу.

Ребенок не унимался, собаки едва перелаивали визг. Через полчаса стало ясно на помощь никто не придет.

– Сидят за печками, ждут, кто жопу первым оторвет, – выругалась Тимофеевна. Фенька повизгивала с хрипом.

– Так и мы сидим, а, Мань? – робко вмешался Матвей.

– А нам надо?

– Жалко ж, Мань. Не по-людски...

– О людях вспомнил, – пробурчала баба. – Пусть председатель думает. Он за попа...

Фенька захлебнулась, старый приподнялся на локте.

– Можь, я схожу?

– Лежи! Другие сходят...

Они вцепились в одеяло, псы постепенно затихли. Прошел еще час, сон не шел.

– Преставилась? – шепнул Матвей. Тимофеевна дернула плечами. Старый вздохнул: – Оно и к лучшему – измучилась бы с такой матерью...

– Да заткнись ты! – шикнула баба, Матвей обиженно вперился в потолок. Старый будильник отсчитал набатом новые полчаса. Старый прикорнул, вдруг одеяло дернулось, он раскрыл глаза. Баба повязала платок.

– Мань, куда? – встрепенулся Матвей.

– В срамные пруда! Спи! – цыкнула баба, накинула тулуп.

– Так параша...

Дверь захлопнулась, окатив хату морозным паром. Матвей подслеповато изучил будильник. Четыре. Можно чего-нить кинуть в печь. Нехотя выбрался из постели, не расставаясь с одеялом. Доковылял к дровам. Холодок жалил под исподнее.

– Ща, – пообещал себе Матвей, уселся под печью. Из-под топора поползла первая стружка. – Ща.

Чугунок с картохой мозолил глаз, требовал пустить туда руку, но

Матвей с опаской зыркнул на дверь. Как заклинание повторил: – Ща. Огонек пробежался по березовым «вихрам», лизнул дрова, горький дым ущипнул глаза. Старый вытер слезу, вслепую запер топку. Весело затрещало. Можно обратно в койку. Он застыл, в сенях заскрипели половицы, ведьма ворвалась в дом – расхристанная, волосы выбились из-под платка. Ну, чисто ведьма!

– Че, Мань? – спросил Матвей.

– Топор! – Тимофеевна протянула руку.

– Зачем? – Матвей наклонился, поднял его с пола. Ему стало жутко. –

Че там, Мань? Ты чего это, а? Может, эта – я?

Ведьма отобрала инструмент.

– Живо оно еще! – крикнула Тимофеевна, прежде чем уйти.

– Кто?!

– Да дитё!

– Маня-а! – заголосил Матвей, хватаясь за сердце. – Можь, оно само, не бери греха-а!

Ведьма остановилась в проеме, словила ртом воздух.

– Ты белены объелся, старый? – съязвила она. – Замок сбить... Воды нагрей. Снегурочка, теперь у тебя.

И захлопнула дверь».

В заключение хочу сказать, что короткие фрагменты из произведений дали вам возможность почувствовать, как современные авторы на страницах журнала «Дальний Восток» подхватили и продолжили литературное наследие Петра Лукича Проскурина. Реализм продолжает жить и вдохновлять все новых авторов.

Потому что всегда ценится хороший язык, грамотное выстраивание сюжета и самое главное – искренность. Авторы как на ладони. Люди не изменились. Большинству по-прежнему хочется читать о честных, порядочных и благородных героях и поступках. Настоящая русская литература всегда побеждает.

Использованы фрагменты произведений из журнала «Дальний Восток:

Сукачев, Вячеслав. Подлетыши: повествование в рассказах / В. Сукачев // Дальний Восток. – 2003. – № 4.

Тарковский, Михаил. Енисей, отпусти!: повесть / М. Тарковский // Дальний Восток. – 2007. – № 6.

Орлов, Евгений. Фенька: рассказ / Е. Орлов // Дальний Восток. – 2013. – № 1.

Родченкова, Елена. Встречный огонь: рассказ / Е. Родченкова // Дальний Восток. – 2016. – № 6.